

Ernest Borisovich Vinberg
Ithaca, New York, April 16, 1999

ЕБ: У меня есть наши предыдущие записи. Мы постараемся не повторяться. Про старые времена вы мне уже рассказывали. Расскажите про новые времена, например, о вашей Гумбольдтовской премии.

ЭБ: Да, это совсем новые времена. Я получил её в 97 году. Это скорее грант, который позволяет провести один год в Германии, занимаясь научной работой и не имея никаких обременительных обязательств и получая достаточно большие деньги. Я могу израсходовать эти деньги в течение пяти лет, делая перерывы по моему усмотрению, проводя несколько месяцев или даже один месяц в любом университете Германии, где меня согласны принять. Предполагается, что я проведу какие-то научные исследования совместно с немецкими математиками.

ЕБ: Как это практически в вашем случае было?

ЭБ: У меня не было действительно совместных работ, хотя, конечно, я много обсуждал разные вопросы с теми людьми, которые меня принимали.

ЕБ: В каких университетах?

ЭБ: В большинстве случаев это бывает всё-таки один университет, который выдвигал на эту премию. В моём случае это был университет Билефельда.

ЕБ: А кто вас выдвигал?

ЭБ: Меня выдвигали **Абельс** и **Хеллинг**. Я знаю также, что **Меннике** поддержал мою кандидатуру. Вот с этими тремя людьми я в основном и работал, не считая многочисленных гостей университета Билефельда и, в частности, других лауреатов этой премии. Этот университет в каком-то смысле исключительный. Он успешно выдвинул на эту премию пять математиков из России. До меня эту премию получили Платонов, Адян, **Меркурьев** и Маргулис.

ЕБ: Они вообще, по-моему, очень любят русских.

ЭБ: Да, у них бывает очень много русских.

ЕБ: Теперь, может быть, вы расскажете немножко про Москву? Когда вы заделались в конце концов профессором? К сожалению, намного позже, чем надо было.

ЭБ: Я сделался доктором в 84 году, а профессором – в 90-м году.

ЕБ: Для этого нужно было, чтобы развалился Советский Союз.

ЭБ: Я стал себя чувствовать более свободно примерно в 87-м – 88-м годах.

ЕБ: Ну да, перестройка. Кстати, как вы к Горбачёву относитесь? Некоторые его очень критикуют, другие находят у него какие-то заслуги.

ЭБ: Безусловно, он положил начало демократии в России. И я лично ему очень благодарен.

ЕБ: **Добрушин** мне примерно то же самое говорил.

ЭБ: Хотя, конечно, большинство населения в России сейчас живёт очень трудно, но я сейчас гораздо более счастлив, чем, скажем, в 70-е и 80-е годы, несмотря на то, что я уже немолод и у меня есть проблемы со здоровьем. Когда меня взяли на кафедру алгебры [в 61 году], то, будучи ещё очень молодым человеком, я уже читал обязательный курс алгебры на первом курсе. Но потом вот это прервалось, и в течение двадцати лет я не читал таких лекций, мне не давали... Я читал только спецкурсы и лекции инженерам: у нас тогда существовал инженерный поток; вот его мне доверяли. Мне также не давали аспирантов под разными предлогами, и поэтому у меня стало меньше студентов. А сейчас я переживаю период возрождения, когда я снова читаю лекции. И я впервые выехал за границу в девяностом году и с тех пор объехал

полмира. Это удачно совпало операцией на глаза, которая мне позволила ходить без очков и видеть лучше, чем я видел когда-либо в очках.

ЕБ: Так что это можно считать если не золотые, то серебряные годы, да?

ЭБ: Да, действительно, серебряные. У меня сейчас очень много учеников. Это объясняется отчасти и тем, что уменьшилась конкуренция, поскольку многие знаменитые московские математики уехали за границу.

ЕБ: Скажите, пожалуйста, Эрик, про нынешний мехмат. Каков он сейчас? У меня, когда я был там последний раз, было очень грустное впечатление из-за того, что всё постепенно приходит в упадок: двери плохо открываются и так далее. Как сейчас?

ЭБ: В этом смысле всё осталось по-прежнему. Ремонт иногда идёт, но явно недостаточный, и проблемы со столами. Но, к счастью, сейчас нет проблем со стульями, как было одно время, когда можно было прийти в аудиторию, и там не было ни одного стула, и надо было потратить первые десять минут занятия на то, чтобы студенты разыскали и принесли стулья. Были проблемы с мелом. Одно время я, как и другие профессора, носили всегда с собой мел на тот случай, если не окажется мела в аудитории. Сейчас с этим стало несколько лучше, но, конечно, здание университета довольно ветхое, в очень плохом состоянии квартиры преподавателей, общежития. Например, наш заведующий [кафедрой высшей алгебры] Кострикин, который занимал огромную квартиру, принадлежавшую раньше Несмеянову, в главном здании МГУ, сейчас переехал в другую, гораздо меньшую квартиру, недалеко от МГУ, именно потому, что всё коммунальное хозяйство было в очень плохом состоянии: постоянно текли трубы, это причиняло большие неудобства. Эта хозяйственная сторона не сильно изменилась. Такое впечатление, что основные усилия ректора тратятся на то, чтобы платить зарплаты, и университет относится к числу немногих московских ВУЗов, где регулярно выплачивают заработную плату. И, более того, в двойном размере, что составляет примерно пятьдесят долларов для профессора в месяц. Но, тем не менее, для Москвы это хорошо. Что касается духовной стороны, то здесь имеются перемены к лучшему. В последние годы конкурсы в ВУЗы увеличились по сравнению с тем, что было, скажем, семь-десять лет тому назад. Много молодых людей хочет заниматься наукой и не хочет заниматься бизнесом. Это, может быть, некий протест против всех этих уродливых форм [бизнеса].

ЕБ: А может быть, наоборот, они надеются, что это путь, чтобы удрать на вожделенный запад?

ЭБ: Это верно лишь в небольшой степени. Конечно, многие надеются переехать на запад, получив хорошее образование, скажем, на мехмате, но далеко не все и, я думаю, меньшая часть. Из тех студентов, которые писали дипломную работу под моим руководством последние несколько лет, и которых я рекомендовал в аспирантуру, кажется, ни одного не уехало на запад.

ЕБ: Так, теперь о том, как вы сейчас там учите, кто ваши ученики, как вы умудряетесь комбинировать заграничные поездки с преподаванием.

ЭБ: Я должен сказать, что последние несколько лет я работаю, может быть, больше, чем когда-либо раньше в моей жизни. У меня появилось очень много возможностей, которых раньше не было. В частности, поездки за границу, публикация книг, и я стараюсь делать как можно больше, чтобы успеть в оставшееся мне время. Как я вам уже говорил, у меня сейчас много учеников. Недавно я подсчитал, что начиная с третьего курса и кончая аспирантами, в данный момент у меня двадцать пять человек. Может быть, я занимаюсь с ними меньше, чем следовало бы, но они помогают друг другу. Например, когда я в прошлом году уезжал в Германию на целый семестр, то я оставил свой семинар для студентов третьего и четвертого курса на попечение двух моих аспирантов, которые очень успешно с ними занимались.

ЕБ: Между прочим, в давно прошедшие времена я три месяца был в Китае. Хотя семинар функционировал и там всё было хорошо, но всё-таки я тогда чувствовал, что на три месяца прерывать связи – это существенный минус.

ЭБ: Да, конечно, но поездки за границу, кроме того, что там я встречаю каких-то новых людей и получаю возможность прочитать какие-то книги, журналы, которых у нас в России нет, необходимы для того, чтобы заработать средства к существованию. У меня нет такого ощущения, что я что-то такое здесь безнадежно теряю, хотя, наверное, мои ученики заслуживают больше внимания.

ЕБ: Расскажите немножко про ваших учеников.

ЭБ: Во-первых, про семинар. У нас работает ежегодно семинар по группам Ли и теории инвариантов, он так теперь называется, который является далёким продолжением семинара, который когда-то вели вы, потом подхватили мы с Аркадием, а сейчас вот, в последние десять лет, имеется ещё и третий руководитель – это мой бывший ученик Володя Попов, который очень успешно занимается теорией инвариантов и хорошо известен в мире. Он заведует кафедрой в МИЭМе. Так что практически всегда кто-нибудь из руководителей находится в России. Кроме того, мне приходится вести семинар для маленьких, которых надо учить заново группам Ли, теории инвариантов.

ЕБ: А какие там маленькие-то нынче пошли?

ЭБ: Вот маленьких-то, оказывается, много хороших. Несмотря на все эти тяжёлые времена, по-прежнему существует традиционная система математических школ, математических кружков, олимпиад. И даже происходят какие-то изменения к лучшему. Например, теперь имеется новое здание... , на самом деле, старое, но отремонтированное **за счёт муниципалитета**, в большом Власьевском переулке, это в районе Арбата, в котором помещается так называемый Центр непрерывного математического образования, и часть этого здания отдана Независимому университету, а в остальной части там ведётся работа со школьниками, проводятся публичные лекции, ведутся кружки, организуются олимпиады и так далее...

ЕБ: А кто сейчас ответствен за олимпиады? Была знаменитая московская олимпиада, которую проводило математическое общество, потом, по-моему, у него ее отобрали, а что сейчас?

ЭБ: Да, одно время власти мехмата не хотели иметь дело с этими кружками и олимпиадами, у них были свои так называемые вечерняя и заочная школы. Система кружков и олимпиад некоторое время существовала полуподпольно, олимпиады проводились в зданиях различных других московских ВУЗов, но года два или три назад произошло воссоединение, и теперь мехмат тоже имеет к этому отношение и предоставляет свои помещения, так что, вроде бы, всё вернулось на круги своя. Существуют такие известные энтузиасты, ветераны работы со школьниками, как, например, Николай Николаевич Константинов. Мой ученик, Дима Бугаенко, очень активно участвует во всех этих делах. Всё продолжает иметь место и результат этого налицо. Каждый год поступают хорошие студенты. Конечно, далеко не все хорошие из четырёхсот с лишним студентов, которых мы каждый год принимаем на мехмат. Может быть, средний уровень сейчас даже несколько ниже, чем в лучшие времена, но хорошие студенты по-прежнему есть. Я думаю, что человек тридцать на каждом курсе теперь очень хороших.

ЕБ: Ну, это то, что всегда было. Больше, наверное, ни при какой системе не может быть.

ЭБ: Из этих студентов довольно большая часть идёт к нам на кафедру.

ЕБ: Более конкретно, к Эрнесту Борисовичу?

ЭБ: Нет, почему, не только ко мне.

ЕБ: А к кому же ещё?

ЭБ: Очень многие идут к Ольшанскому. К сожалению, сейчас он, может быть, нас покинет: он получил приглашение в Vanderbilt University на половину года, но только от него зависит, принять полную позицию или нет. Многие идут к Михалёву. Надо сказать, что наша кафедра всё-таки сохранила высокий уровень, хотя в целом [на мехмате] ситуация очень плохая в смысле профессорского состава. У нас прекратили существование знаменитые семинары Гельфанда, Арнольда, Кириллова, Манина, Синая... На протяжении многих лет я добивался, чтобы взяли кого-нибудь из моих аспирантов на работу на нашу кафедру, поскольку после ухода Онищика я остался единственным специалистом по теории групп Ли на кафедре. Теперь моего аспиранта Диму Тимашёва взяли на кафедру. Конечно, я очень счастлив. Есть у меня ещё другие очень способные ребята, которые сделали хорошие работы: Женя **Тевелёв**, Ваня Аржанцев. Я хотел бы, чтобы кто-то из них тоже остался на кафедре. Но, к сожалению, сейчас это очень сложный вопрос, поскольку речь идёт вообще о сокращении штатов, так что дай бог нам сохранить то, что есть. Может быть, в связи с отъездом некоторых сотрудников кафедры на запад появится возможность взять новых молодых людей.

ЕБ: Теперь про журнал [“Transformation Groups”] немножко расскажите. Ему года два?

ЭБ: Ему уже четвёртый год, а если принять во внимание, что перед тем, как он начал выходить, была огромная подготовительная работа, длительные переговоры, то я уже пятый год этим занимаюсь, и это очень большое дело, которое требует каждодневного внимания. Каждую неделю я уделяю этому часов шесть - семь.

ЕБ: Расскажите всё с самого начала.

ЭБ: Это журнал был создан по идее Гамкрелидзе, которая состояла в том, что можно заинтересовать западные издательства созданием журналов, которые будут готовиться в Москве. Это сведёт к минимуму их расходы на технических работников и редакторскую работу и поэтому может сделать для них издание журнала прибыльным. Был создан такой журнал по дифференциальным уравнениям. Были попытки создать журнал по алгебраической геометрии и по нашей тематике, по теории групп Ли. Мы решили его назвать “Transformation Groups”, но, к сожалению, Гамкрелидзе не удалось договориться с издательствами по поводу этих журналов и кончилось тем, что мы сами договорились с издательством Birkhäuser Boston о нашем журнале благодаря энтузиазму **Энн Костант**, заведующей [математической редакцией] бостонского отделения издательства Birkhäuser. Я думаю, что мы успешно издаём этот журнал, он пользуется авторитетом, мы поддерживаем достаточно высокий уровень: скажем, мы отклоняем около половины всех работ, которые к нам поступают. Как правило, у нас по два рецензента на каждую работу, и работа принимается только в том случае, если все шесть (раньше было семь) managing editors проголосуют за принятие работы. Среди этих шести человек – я, главный редактор, и Володя Попов, он у нас называется executive managing editor, который одновременно с функцией managing editor исполняет секретарские и редакторские функции. Это огромная работа. Он единственный человек, который оплачивается. Кроме того, это Онищик, Маргулис, Де Кончини, известный математик из Рима, и Джерри Шварц из Brandeis University, из Бостона. Раньше у нас была ещё Мишель Вернь из Парижа, но она в прошлом году попросила её освободить ввиду слишком большой загруженности. Кроме этого, у нас большая редколлегия, около тридцати пяти человек из многих стран мира, со всех континентов, включая Австралию. У нас есть там математики из Индии, из Японии, ну и, конечно, из Америки, из Европы и из России. Эти члены редколлегии помогают находить интересные статьи для журнала и принимают по мере возможности и желая участие в рецензировании. Но пока мы полностью не решили проблемы с

подпиской. Считается, что хороший журнал должен иметь не меньше двухсот подписчиков, чтобы быть рентабельным. У нас пока около ста подписчиков. Большинство библиотек сейчас испытывает большие финансовые трудности и даже вынуждены отказываться от старых подписок. В некоторых библиотеках они могут подписаться на новый журнал, только если откажутся от какой-то старой подписки. Даже такие библиотеки, как библиотека знаменитого математического института в Обервольфахе испытывает сейчас большие трудности.

ЕБ: Они подписываются на ваш журнал или нет?

ЭБ: Да, сейчас они подписываются, но это стоило труда. У нас мало подписчиков в Америке.

ЕБ: Ну, вот, например, Йел подписывается, я надеюсь?

ЭБ: Да, конечно, потому что там работает Маргулис, наш managing editor. Так вот, эта работа, хотя и очень большая, но доставляет мне большое удовлетворение.

ЕБ: Расскажите тоже, в стиле нашего сегодняшнего интервью, что это за Вейсфейлеровские чтения, кто там участвует, как вы туда попали?

ЭБ: Борис Вейсфейлер – это один из первых двух моих учеников, которых я получил благодаря вам. У него были трудности с поступлением в аспирантуру мехмата, и он потом защищал диссертацию в другом месте. Он эмигрировал и работал в Америке, в Пенн Стейте. Зимой 85-го года он поехал путешествовать в Чили, один, как всегда любил и в России, где он один ездил и в Магаданскую область, и на Камчатку, и на Курилы. В этот раз он поехал в Чили и там пропал. Был найден только его рюкзак с документами, а тело не было найдено никогда, несмотря на розыски, которые были предприняты, в частности, по инициативе Вити Каца. Наверное, мы никогда не узнаем, что с ним случилось, но подозревают, что он был убит местными жителями, которые не любили американцев. Так вот, в его память Пенн Стейт организовал ежегодные лекции, которые читали многие знаменитые математики: Борель, Титс, Миллсон, Каждан, Макмаллен, сейчас не вспомню всех. В этом году пригласили меня. И я специально ради этого приехал в Америку и имею возможность посетить двух своих учителей: вас и Илью Иосифовича Пятецкого-Шапиро. Наверное, имело бы смысл приехать на больший срок, но как раз сейчас мои восемь дипломников должны заканчивать свои дипломные работы.

ЕБ: Кто сейчас самый лучший из ваших учеников? Назовите пару имён.

ЭБ: Я уже назвал трёх человек, которые закончили аспирантуру: это Дима Тимашёв, Женя Тевелёв и Ваня Аржанцев. Я думаю, они будут и дальше успешно заниматься математикой. Из моих дипломников я бы назвал двух-трёх человек: это Витя Шувалов, Саша Черепанов и Лёша Тарасов. Все мои дипломники сейчас – это выпускники одного класса 57-й школы.

ЕБ: Ну, вряд ли это уж такой класс, что там все были гении.

ЭБ: Да, конечно, это не означает, что они все гении, просто такое любопытное обстоятельство. Но я надеюсь, что из этих троих кто-то станет известным математиком.

ЕБ: Ну, дай бог. А какова сейчас общая атмосфера на мехмате? Есть ли какая-нибудь замена того гнёта партбюро, к которому вы привыкли?

ЭБ: Нет, сейчас начальство позволяет делать более или менее что угодно. Конечно, если нужно поехать за границу на несколько месяцев, то надо всё-таки как-то договариваться, но это вполне понятно. Я даже думаю, что нам легче уехать, чем профессорам западных университетов, поскольку начальство понимает, что это просто жизненно необходимо. Мне абсолютно не приходится прикладывать усилия, чтобы поехать, скажем, на две недели куда угодно. Если же надо уехать на несколько месяцев, то я либо пользуюсь повышением квалификации – **sabbatical** по-западному –

который дается на четыре месяца раз в пять лет, либо беру отпуск. У меня накапливается много отпуска за прошлые годы, поскольку я иногда принимаю вступительные экзамены и не полностью расходую свой отпуск, как и все преподаватели мехмата. Поэтому, скажем, когда я ездил в Америку на четыре месяца, это было полностью за счёт отпуска. Но я думаю, что какая-то канва бывшей системы сохранилась и в случае, если ситуация в стране изменится, то это будет довольно быстро восстановлено. Но сейчас эти люди занимаются совсем другими делами, они озабочены своим собственным материальным благополучием. Сейчас смысле приёма в аспирантуру. Но, конечно, взять на работу – это и сейчас нелегко, но тут скорее заведующий кафедрой может быть препятствием, может быть, у него есть какие-то свои соображения о том, кого надо взять на работу. А со стороны деканата или ректората никакого давления не ощущается. Поэтому я чувствую себя сейчас так свободно, как никогда в жизни.